

В философии сегодня происходит радикальная смена парадигм. Об этом свидетельствует отказ современной философии от поисков места человека в мире, ибо этого месту у него просто нет. Если бы оно было, то у нас не возникло бы разочарования той цивилизацией, внутри которой мы живём. Мы недовольны не только техническим отношением к природе, но и техниче-ским отношением общества к человеку, ибо статус человека в нём определяется не его личными качествами, а положением в социальной иерархии. Способы участия человека в социальной жизни исчерпали себя, ибо социализация человека мало чем отличается от дрессировки животных. Человек — сторож воображаемого и неуместный житель земли.

На наших глазах происходит смена одного типа социальности другим: общества — общиной. Имея это в виду, ещё раз по-смотрим на то, чем мы отличаемся от Запада.

МИСТИКИ И РАЦИОНАЛИСТЫ

Грезить — значит удваивать мир, стирать границу между быти-ем и небытием. Зачем? Затем, чтобы уредить время. Чем Запад отличается от нас? Тем, что он преодолел в себе раздвоенность и научился отличать сон от яви, реальность от воображаемого. А мы её не преодолели. Мы безнадежно раздвоены. Они рационалисты с критическим развитым мышлением. Мы — мистики. То есть быть русским — значит уже быть мистиком. У нас с вами непременно бу-дет воспроизводиться галлюциноз с непреодолимым дуализмом.

Приведу пример. В XIX веке у нас была война со всей Европой, то есть с французами. Они пришли к нам, захватили Москву. Всё разграбили. Нам понравилось. Что мы сделали? Дело в том, что мы переняли французский язык, ментальность и образ жизни па-рижской аристократии. Кто нам его навязал? Никто. Это продукт нашего самоомбана. Вот это наше свойство выдавать желаемое за действительно никто не понимает.

Что осталось у нас неизменным? Наш поэтический мистицизм. Что это означает? Русское сознание не любит посредников. Оно их терпеть не может. Они вызывают в нас ужас и страх. Мы лю-бим обращаться к другому напрямую. Нам ближе интуиция, а не рассуждения. Западное сознание не любит непосредственное. По-смотрите, как Гегель расправляется с непосредственным в своей "Науке логики", и вы поймёте, что значит быть рациональным. Ев-ропейское сознание избегает прямых усмотрений. Оно обращается к посредникам, чтобы опосредовать непосредственное. В опосре-дствовании рассеиваются объекты наших грёз.

НЕСОВПАДЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ НА МИР: ТЕОРИЯ ТРЁХ ГАЛЛЮЦЕНОЗОВ

Что отсюда следует? Несовпадением взглядов на мир. У нас один взгляд. У них другой. У нас, говорит Бердяев, ночной галлю-циноз. У них — дневной. В основе дневного галлюциноза лежит знание, наука. В основе ночного — непреодоли́мый дуализм, то есть вера. Мы витаем в облаках. Они ближе к земле. Наши гори-зонталли нуждаются в вертикали власти. Их вертикали — в гори-зонталях пространства. В разных галлюцинозах разные типы оче-видного и системы воображения. У нас добро есть только добро, у них, по видимости, добро тоже есть добро. Западная система воображения предполагает существование подземного мира. Мы уповаем на небеса.

А ещё есть смешанные галлюцинозы. У Китая он ближе к дню. У Индии — к ночи.

ПОЧЕМУ ТРУДНО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Поскольку человек извлекает себя из своих галлюцинаций, по-стольку ему трудно быть человеком. Он живёт как слепой. Звери действуют по пошке инстинкта. Человек без сущности действует не по логике вещей. Он действует по логике сновидения, то есть живёт во времени. В первом случае реальное — это то, когда-то было возможным. Во втором случае действует иной принцип: не-возможное возможно. Каждый из нас может превратиться в свою противоположность. Каждый может обернуться и неожиданно для себя стать зверем.

Для нас, русских, человек — это то, что, как говорил Горький, звучит гордо, хука мы и не любим людей. А у них, на Западе, че-ловек — это личность. И они преклоняются перед ней. Быть че-ловеком — это всё, что мы требуем от себя. Не быть подлым, не лицемерить, не быть двуличным. Чтобы быть человеком, нужно от-казаться от личности в себе. Для нас все личности одинаковы, как болты или шестерёнки. В каком смысле одинаковы? В том, что все одинаково подозрительны. Мы видим их негативно. Одна личность пьёт, другая ворует, третья лжёт.

Западное сознание любит личности. У каждой есть маска и не одна. Без маски им нельзя ходить. Это неприлично. Европейская личность всегда повернётся к тебе той стороной, той маской, кото-рая предназначена только для тебя. Она скрывает себя за маской. А мы naïвно хотим её оттуда достать. А там, как правило, ничего нет. То есть смотреть не на что. Маска — это культура, говорит нам Кант. Без маски человек просто натура, необработанное естество. Что говорят европейские философы? Они говорят, что человеку нельзя быть в себе. Он должен быть вне себя. То есть каждому из нас нужно уметь делать вид, чтобы быть культурным. А мы, рус-

ские, не хотим делать вид. Мы хотим быть в себе, а это некультур-но. Для нас европейцы — это культура. Мы для них варвары. Но и это всё ещё не так страшно. Страшно превращение фор-мы, страшен наш самоомбан. В чём он состоит? Если мы с вами пойдём в Третьяковку и начнём рассматривать картины русских хо-дожников, то поймём, как тяжело и трудно жить русскому человеку. Где мы находим просвет? В церкви. В иконе. Если мы пойдём в Пушкинский музей и посмотрим на европейскую живопись, то пой-мём, что у европейского человечества жизнь более весёлая, крас-очная, лёгкая, воздушная. Где они находят свет? В мире, в себе.

Трудно жить в мире весёлых европейских образов. Там всегда есть Протей, то есть божество, которое может принять любой об-раз. Мы знаем, что трубка — это трубка, образ трубки — это не

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ РУССКИМ?

От общества — к общине

трубка. В образе может быть подмена. Что однажды сделал Про-тей? В образе Елены Прекрасной, жены Париса, проник на ложе Париса. А Парис этого даже не заметил.

РАЙ И АД

И вот я спрашиваю себя, а в какой культуре закодирована идея ада, в нашей или европейской? Мы, видимо, будете удивлены, если я скажу, что в европейской. Этика ада разработана в "Божествен-ной комедии" Данте. В русской культуре вообще нет идеи ада. У нас закодирована галлюцинозом идея рая. Европейский галлюце-ноз этой идеи не знал. То есть мы, русские, взяли из христианства идею ада, потому что до христианства у нас уже была идея рая. А у европейцев никакого рая до христианства не было. Они взяли идею рая у христиан. А вот идея ада уже была закодирована их галлюцинозом. О чём это говорит? О том, что несуществование ада в русском галлюцинозе является фундаментальным нравственным постулатом. Более фундаментальным, чем категорический импе-ратив Канта. Не страх перед адом, а надежда на рай делает нас моральными. Европу же нужно, видимо, держать в ежовых право-вых рукавицах, чтобы у них была мораль.

Можно ли сделать ад привлекательным? Нельзя. Поэтому дявол, говорит Василий Великий, делает привлекательной дорогу в ад. С какой уловкой? А с той, что все мы хотим свободы. Но где свобода, подсказывает нам дявол, там и грех. Не согрешилшь — не почувствуешь свободу. То есть дявол соединил свободу и грех. А ещё он соединил свободу и политику. Но мы, русские, знаем, что где грех, там не свобода, а покаяние.

СВОБОДА И ВОЛЯ

Чем же свобода отличается от воли? Тем, что воля определя-ется твоим отношением к себе, а свобода — твоим отношением к другому. Я не могу сказать, что свобода определяется стыдом. Но я могу сказать, что воля касается, по существу, природы стыда. Пе-ред кем стыдно? Перед собой. А что такое срам? Это то, что учре-ждается другим. Другому непово-ка тебя, когда ты что-то делаешь по своей воле. Кому стыдно? Тебе. Своестью является внутренним пределом действия твоей воли. В ней сливаются твой взгляд на себя и взгляд на тебя со стороны другого. Так, говорит Леонтьев, возникает страх перед Богом.

ОБЩИНА И ОБЩЕСТВО

Поскольку человек есть суще-е без сущности, постольку перед человеком возникает проблема собирания себя.

Человек может принимать любой облик, если для него нет точ-ки сбора. Если этой точки сбора нет, то совместная жизнь людей распадается. Если она есть, то возникает коллективная жизнь. В обществе нет точки сбора. Люди в нём индивиды. Личности. Их

жизнь вращается вокруг "я". "Я" не собирает, а разделяет людей. Общество есть социальный способ преодоления этого разделе-ния. Западный тип общества управляет индивидами посредством их интересов. Но есть другой тип общества. Это община. В ней точка сбора находится вне человека. В философии эта мысль выражается в идее о том, что человек всегда больше чем один. История западного типа общества закончилась. Этот тип соци-альности распадается, и поэтому не важны его деления на ста-дии, формации и прочее. Начинается поворот к общинному типу коллективной жизни людей.

Почему русские выбрали для своей жизни не общество, а бы-щину? Потому что в общине есть точка сбора людей. Что это за точка сбора? Это типия, мистерия, которая задаёт порядок всей жизни человека, смещающая его "я" из центра. Отсутствие в обществе материальной точки сбора делает возможным и необ-ходимым создание городов. Для того чтобы человека поселить в городе, у него нужно отобрать волю и дать вместо этого свободу воли и слова. Для чего нам город даёт свободу воли? Для того, чтобы мы покинули общину, разрушили мистерию. Ибо её прису-ствие ограничивает общину непосредственным сообщением, то есть создаёт условия для деревенской жизни.

ПОДАРИЛ ЛИ НАМ ЗАПАД ИСКУССТВО?

Почему в России поздно возникает искусство как искусство?

Почему в России поздно возникает искусство как искусство? Потому что оно формируется внутри мистерии, растворено в ней. Наша культура складывается из культя. Искусство в Европе возникает в обществе, в городе и затем извне проникает в про-странство религиозной жизни. Например, греки любили скульп-туру. Мы её не любили и не любим. Почему? Потому что мы растворяем объект своих чувств в себе, а мы выставляем его как объект вне себя. Греки научили Запад растворять себя в объек-те своих чувств. Поэтому европейский галлюциноз несёт в себе код гомосексуальной культуры.

Русский преодолевает в себе код странничества. Как мы это делаем? Посмотрите на изображение Богоматери русскими худо-жниками и европейскими. У художников Возрождения Богоматерь — Богиня, Которая забыла о том, что Она Мать. На иконах Влади-мирской Богоматери и Казанской Богоматери мы видим Мать, склонившуюся к Своему Ребёнку. Она щекой касается Младенца. В первом случае мы имеем дело с одной философией, во втором — с другой. Наш атомизм и бродяжничество успокаиваются в семье.

ТАЙНА РОССИИ

Ответ на этот вопрос мы найдём у Блока в стихотворении "Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?.."

*Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не поря ль разлучиться, раскатысь...
Вольному сердцу на что твоя тьма?
Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь нанудила, да Мера намерила
Гатей, дорог да столбев верстовых...
Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в стель распустила ты —
Кинулась из степи чёрная мала...
За море Чёрное, за море Белое
В чёрные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Они татарские мечут оги...
Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?*

1910 г.

Что говорит Блок? Быть русским означает жить и маяться. Но маяться — это если быть вместе с Россией, если ты нераз-лучен с ней. А если отделиться от неё? Если перестать быть русским, сказать, что я мера, или уехать из России, бросить её? Всё равно нас будет мучить наш галлюциноз. Ведь что та-кое Россия? Это, как говорит Блок, что-то страшное. "Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!" Что нам показывает Блок? Он нам показывает наш галлюциноз? То, что было, и то, чего не было, но могло бы быть. Он у нас был таким даже тогда, когда у нас не было ещё царя, не было Сибири, не было Ермака и не было тюрьм. Он в ноосфере нашей древнерусской жизни всё это уже было. Было что? Наше будущее, ибо наше будущее — это наше прошлое, которое никогда не ведёт к тому, что есть. Настоящее — не причина того, что будет в будущем, и не след-ствие того, что было до него.

Чего о нас не знает Запад? Он не знает о нашем изначальном стремлении к самостоянию. Он знает только, что у нас есть мед-вежья и балабайка. Конечно, они у нас есть. Но даже Хайдеггер полагал, что в основе нашего галлюциноза лежит не балабайка, а София. Народ, говорил он, который верит в Софию, нельзя победить. А как, например, нас видит сегодня Биллингтон, про-свещённый американец? Для него Россия — это икона и топор, пушки и колокола. И это правда, но не вся. Ещё мы почему-то склонны к дисциплинированному энтузиазму, хотя нам всегда тесно в клетке социума.

Не то ли имел в виду летописец, когда сказал, что у нас веселье есть питье, хотя мы, люди севера, пили, но не напивались, а затем была культура питья. У нас даже крепкая медовуха была не более 12 градусов. К нам водку привезли впервые из Европы, вернее, из Польши, как лекарство. И мы её пили и до сих пор пьём, хотя дума-ем, что лечимся.

Но дело не в водке, а в объектах наших грёз. У нас они были одни, у них — другие. Какие были у нас? Блок перечисляет: дойти до Царьграда, победить степь. До Царьграда мы не дош-ли. Революция помешала. Степь победили и пришли на Аляску. Почему пришли на Аляску? Потому что шли по земле, а смотре-ли на небо.

Воля требует движения. Мы живём по своей воле, а не по прави-лам. Воле нужен некоторый простор, чтобы сөөволие одного не мешало сөөволию другого. На Западе живут по правилам. У них свобода одного ограничивает свободу другого. А мы взрываемся. У нас целевая рациональность, культура симуляции и протестант-ская этика. У нас культура взрыва. Вся энергия уходит на сжатие бытия во времени. Поэтому мы пришли к Тихому океану. А они не пришли. Что сказал Александр Третий сыну Николаю? У России нет друзей. Нашей огромности боятся. Русский царь должен покрови-тельствовать церкви и укреплять семью.

Мы полагаемся на эстетику взрыва эмоций. У них деньги дела-ют деньги. Мы неделю работаем без отдыха и перерывов, а затем две гуляем. У нас вся культура устроена в надежде на случай. Не может немец сказать: от сумы да от тюрьмы не зарекайся. А мы можем, поэтому Блок говорит, обращаясь к Руси: "Эх, не поря ль разлучиться, раскатысь... Вольному сердцу на что твоя тьма?" Тьма — это порядок неочевидных социальных истин, навязывае-мым языком. Нам близка община. Им — общество. Мы из деревни, они из города.

У Блока Россия — тьма не потому, что русские рабы. Мы не рабы. У нас у каждого человека, говорит Блок, вольное сердце. Нам, русским, дорогá воля, а не свобода. Нам нужна тихая по-вседневность быта, а не политика. Европа привязала к свободе политику. Мы соединили быт и свободу. Политические свободы нужны городу. Бытовая свобода нужна в деревне. Мы знаем, что трудно без мистического единения жить в городе. И в обществе мы хотим жить по своей воле, как в общине. Другой нам в нём не помеха. Мы анархисты. Но жить в обществе по своей воле нельзя. На этом пути тебя ждёт тюрьма, бытие под надзором. В Европе в тюрьму сажали нищих, больных и безумцев, в России — вольных людей. Чем же наша русская тьма держит нас, какое она даёт нам содержание? Послушаем Блока, чтобы узнать, в чём состоит наша печаль.

Наша печаль в том, что Россия не отпускает нас от себя. По-чему? Потому что создаёт в нас ощущение, что невозможное воз-можно. Она приворожила нас, заколдовала, связала неземным во-ображаемым. Блок вновь обращается к Руси и спрашивает: "Знала ли что? Или в Бога ты верила? Что там услышишь из песен твоих?"

И знала, и верила. Откуда мы это знаем? Из песен, из Голубиной книги. Что мы знаем? Что чудь нанудила, а мера намерила. Что на-мерила? Дороги, гати, верстовые столбы. Так незаметно мы оказа-лись в Калифорнии.

В чём же тайна России? Почему все страны как страны, и толь-ко у нас Россия — поле для мистериальных игр Бога? Она, как сонное марево, до сих пор играет нашим вольным духом. У нас Родина выходит за пределы Отечества, и Отечество едва успе-вает за ней.

Фёдор ГИРЕНОК

ИЗ ПАМЯТНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ детства: солид-ный старый (да, он тогда казался старым: шутка ли, 1938 год издания, больше 35 лет прошло — целая вечность для меня, тогда десяти-летнего!) бордовый, с такого же цвета обрезом, том "Истории XIX века", где повествовалось в том числе о событиях франко-германской войны 1870—1871 годов. Прусская военная машина против авантю-рного Наполеона III, мечтавшего о славе своего вели-кого дяди. Передвижения корпусов, сражения, Мец, Седан; Гамбетта на воздушном шаре улетает из осаждённого Парижа; Коммуна, Тьер, кладбище Пер-Лашез... Оторваться, не дочитав, оказалось невоз-можно. А дочитать можно было только выпросив эту книгу у хозяйна дома, в котором мы остановились, когда отец взял меня порыбачить на выходные. Так и в моей жизни появилась эта странная фамилия, ко-торую старшие произносили на французский манер, с ударением на последнем слове: "Тарле". Как выяс-нилось через много лет, — ошибочно.

*"Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад..."*
Борис Пастернак
"Высокая болезнь", 1923

Конечно, "пророком, предсказывающим назад", этот человек не был. Хотя здесь поэт вполне мог иметь в виду и знаменитого уже на тот момент отече-ственного историка, активно проводившего сис-темные параллели между Великой французской революцией и Великой русской революцией, ещё не получившей официального названия. Если поль-зоваться максимально кратко и образно характери-зовать жизненный путь академика Евгения Викторови-ча (урождённого Герца/Григория Вигдоровича) Тарле (27 октября (8 ноября) 1874 года — 5 января 1955 года), то я бы рискнул предложить такую формулу: "мушкетёр истории", настолько он ярок и точен в сво-их проявлениях.

В нём, несомненно, было нечто, роднившее его с героями самого популярного у нас романа Дюма-старшего: умение (вернее, талант) с артистизмом и иронией обращать в свою пользу любые, даже са-мые неблагоприятные обстоятельства. И если фран-цузский писатель называл историю гвоздём, на кото-рый он вешает свои романы, то для Тарле она была гвоздём, который он с полным знанием дела закола-чивал в сознание своих читателей. Редкая публика-ция об историке обойдётся без цитаты из его книги "Наполеон", посвящённой описанию начала "Ста дней" парижскими газетами 1815 года: "Первое известие: "Корсиканское чудовище высадилось в бух-те Жуан". Второе известие: "Людоед идёт к Грассу". Третье известие: "Узурпатор вошёл в Гренобль". Чет-вёртое известие: "Бонапарт занял Лион". Пятое изве-стие: "Наполеон приближается к Фонтенбл". Шестое известие: "Его императорское величество ожидается сегодня в своём верном Париже" — наглядная иллюстрация тезиса Тарле о том, что "главный грех перед историей, единственный грех, за который она карает, — это слабость".

Здесь не противоречие, но явное расхождение с утверждением В.О. Ключевского о том, что "исто-рия — это не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков". Впрочем, первым и главным учителем юного Тарле оказался другой отечественный историк, С.М. Соловьёв. "...Ему я верил слепо, как только даётся смертный верить в 4-м, 5-м и даже 6-м классах, ко-гда ещё нет доступа полнейшему скептицизму". Этот огонь интереса к истории стал определяющим в жи-зни Тарле: после окончания в 1892 году Херсонской гимназии он поступил на историко-филологический факультет Императорского Новороссийского уни-верситета (Одесса), откуда перевёлся в Киевский университет, где его наставником стал профессор-медиевист И.В. Луцкий. Дипломная работа спосо-бного студента "Пётро Помпонации и скептическое движение в Италии в начале XVI века" была удосто-енная золотой медали, а сам он оставлен при универ-ситете для подготовки к профессорскому званию; в этом качестве активно общался с отечественными и европейскими коллегами, работал в архивах Па-

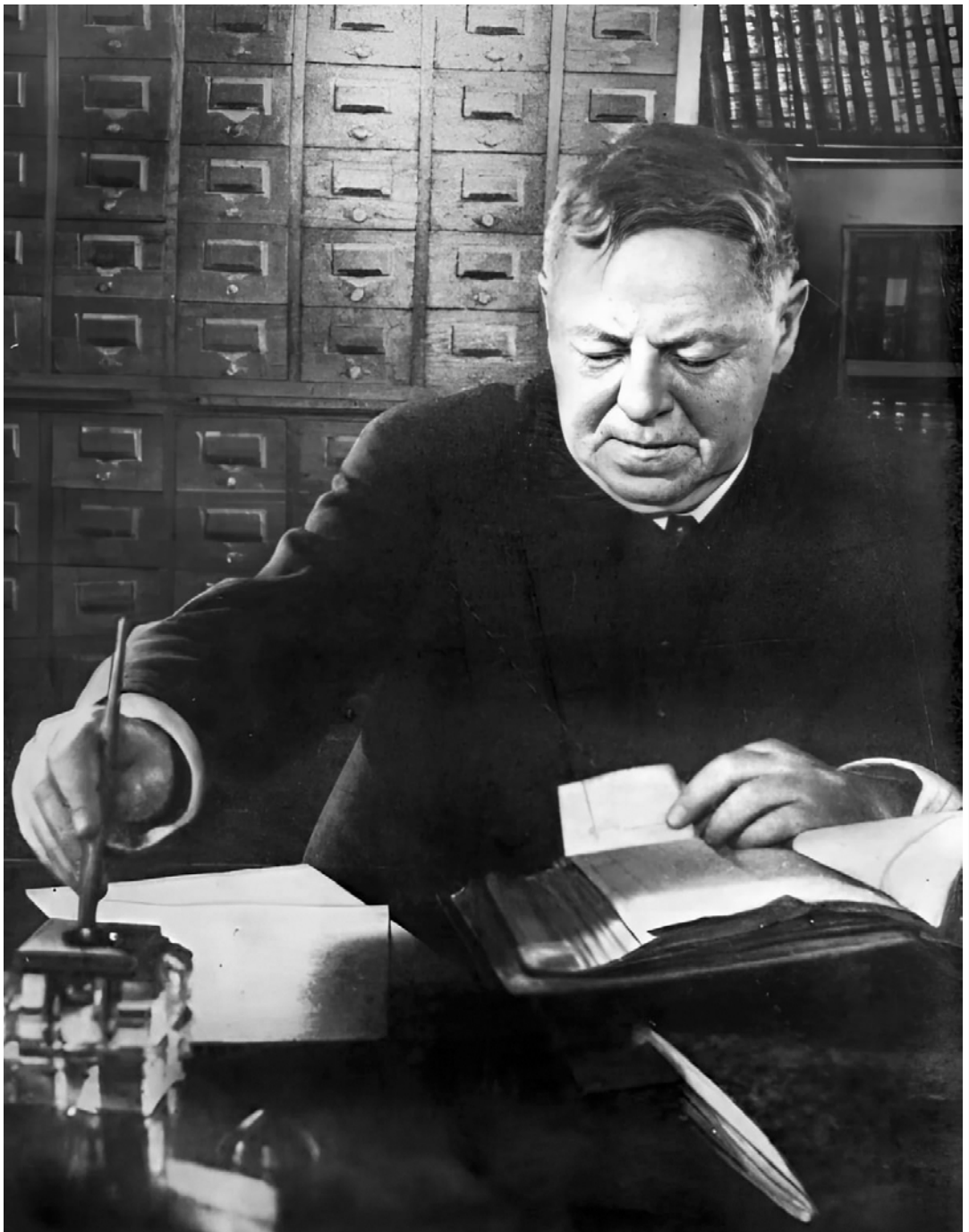
МУШКЕТЁР ИСТОРИИ

К 150-летию академика Евгения Тарле

рижа, Бордо, Амьена, Гамбурга и Берлина. После успешной защиты работы, посвящённой положению венгерских крестьян до реформы Иосифа II (конец XVIII века. — Авт.), в феврале 1900 года ему было присвоено звание приват-доцента. А в мае того же года молодой учёный был арестован (так называе-мое "Ибсеновское дело") вместе с другими участни-ками подпольного социал-демократического кружка, в том числе А.В. Луначарским, Н.А. Бердяевым, В.В. Волозовым. В соответствующей докладной запи-ске В.Д. Новицкий — на тот момент начальник Киев-ского губернского жандармского управления, гене-рал-майор — отмечал: "Тарле представляет из себя человека, совершенно распропагандированного и убеждённого социал-демократа, особенно опасного потому, что его умственный багаж очень велик, и он пользуется большим влиянием благодаря своим пе-дагогическим занятиям, а также участию в журналах и газетах либерального направления".

Однако политической стезе профессионально-го революционера крестившийся ещё в 1893 году Е.В. Тарле предпочёл академическую, а наказание ему оказалось неожиданно мягким, что вызвало в среде товарищей и коллег подозрения в сотрудни-честве с "Царской охранкой", а защита маги-стерской диссертации "Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени", впоследствии выпущенная отдельным изданием, прошла со скандалом: авто-ра упрекали в ошибках, неточностях и в том, что он использовал плохой немецкий перевод оригиналь-ных работ великого английского утописта. Голоса на учёном совете университета разделились, и всё же диссертация благодаря благосклонной по-зиции И.В. Луцкого была защищена, но Киев ему пришлось покинуть. В 1903 году Тарле, получив после многочисленных прошений разрешение на почасовой основе преподавать историю в высших учебных заведениях, вместе с женой переехал в Санкт-Петербург, где снова активно включился в академическую и общественно-политическую жизнь. В феврале 1905 года за участие в недозво-ленных сходках ему вновь было запрещено препо-давание в Санкт-Петербургском университете, а 18 октября 1905 года, при разгоне протестного по отношению к царскому "Манифесту 17 октября" митинга у Технологического института в Санкт-Петербурге, выступавшего на этом митинге Тарле рубанули палашом. Плашма, не в полную силу, без намерения убить или всерьёз покатать, но событие на тот момент получило катастрофиче-ское, и соответственно, громкое: фото историка, поиме-нованного "профессором Санкт-Петербургского университета" (хотя на тот момент он был только приват-доцентом), лежащего на больничной койке с пербинтованной головой, опубликовали газеты, а нанёсший удар корнет Фролов таким образом тоже вошёл в писаную историю.

Быстро оправившийся от удара и получивший всероссийскую известность Тарле ответил публика-цией (в журнале "Мир Божий") своих очерков "Падение абсолютизма в Западной Европе", вскоре вы-шедших отдельным изданием, где он, в частности, писал: "Политические революции, в самом главном и существенном, обуславливаются тем, что известная форма управления не только перестаёт отвечать ма-териальным и моральным потребностям общества, но что дальнейшее её существование становится прямою угрозою для нормального удовлетворения нужд и интересов социально-сильных слоёв народа". В 1911 году он защищает докторскую диссертацию "Рабочий класс во Франции в эпоху Революции", а в 1913 году, после выхода книги "Континентальная бло-када", становится профессором истории Юрьевского (Дерптского) университета.

Русский советский историк Евгений Викторович Тарле

а затем и в позитивном (снятие всех обвинений с воз-вращением всех прежних регалий и присуждением множества новых; неофициальный статус "главного историка Советского Союза", редактирующего мно-жество статусных проектов, таких как та же автори-зовано-переводная "История XIX века", "История дипломатии", удостоенная двух Сталинских премий I степени в 1942 и 1946 годах, и других).

При этом, конечно, история действительно была не только делом, но и смыслом всей его жизни. К 75-летию академика С.Я. Маршак посвятил ему из-вестное четверостишие:

*В один присест историк Тарле
Мое написать (как я в альбом)
Огромный том о каждом Карле
И о Людовике Любом.*

Корней Чуковский отмечал: "Чувствовалось, что жить одновременно в разных эпохах, где тесятся тысячи всевозможных событий и лиц, доставляет ему (Е.В. Тарле — Авт.) неистощимую радость. Во-обще у него не существует покойников; люди бывых

поколений, давно уже прошедшие свой жизненный путь, снова начинали кружиться у него перед гла-зами, интриговали, страдали, влюблялись, делали карьеру, сутелились, воевали, шутили, завидовали — не призраки, не абстрактные представители тех или иных социальных пластов, а живые, живокровные люди. Этого, конечно, он не мог бы достичь, если бы не был художником".

То, что и сегодня работы Е.В. Тарле являются ис-точником споров профессионалов, радости чите-лей и вдохновения политиков и мастеров культуры, что с 1991 года Российская академия наук присуж-дает премию его имени за выдающиеся научные работы в области всемирной истории и современ-ного развития международных отношений, можно считать подтверждением опорного значения трудов этого историка для современного Русского Мира.

Георгий СУДОВЦЕВ

Печатается в сокращении,
полный текст — на сайте zavtra.ru